

Чужеземная креативность русских макаронических стихов *

В. З. Демьянков

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

Аннотация. Юмористический эффект русской макаронической поэзии – результат взаимодействия нескольких факторов, среди которых травестийность, когда лирический герой развенчивается как лжеиностронец, не дотягивающий до «высоких стандартов» иностранности в российской культуре.

Стандарты иностранности выявляются в результате анализа большого материала контекстов лексемы *иностронец* в русских литературных текстах и установления заключенных в них презумпций – невысказанных утверждений – о том, какими бывают типовые иностранцы.

Ключевые слова: язык как система (соссюровская “langue”) vs языковая деятельность (соссюровский “langage”), поэтический язык, макаронические стихи, креативность.

* Исследование, описанное в разделах 1 и 2, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН. Разделы 3 и 4 данного исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

Демьянков В. З. Чужеземная креативность русских макаронических стихов // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 73–91.

УДК 81-13

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-73-91

Контактная информация: Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, Институт языкознания РАН (Большой Кисловский переулок, 1, стр. 1, Москва, 125009, Россия, vdemiank@mail.ru)

1. «Свое» и «чужое» в поэтическом языке и «дискурсные культуры»

В одном из наиболее значимых разделов своего замечательного словаря русской культуры Ю. С. Степанов исследовал противопоставление «своих» и «чужих», которое «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [2001, с. 126].

Исследование текстов современной русской поэзии под углом зрения этого противопоставления можно связать с установлением не только свойств современного русского языка, но и общецивилизационных представлений о коммуникации и о мире, в котором живет человек. То, что называют поэтическим языком, представляет собой скорее поэтическую языковую деятельность (*langage poétique*), чем язык как систему знаков (сосюрговскую *langue*). Ведь поэты используют обычно ту же систему фонем, морфем, синтаксических конструкций и т. п., что и остальные носители языка.

В отличие от систем искусственных языков (например, от языков программирования), в которых алфавит, парадигматика и синтагматика знаков задаются эксплицитно соглашениями (скажем, правилами составления программ), системы естественных языков (в частности, национальных) обычно не заданы эксплицитно (исключение – правила орфографии: «*Чу, шу* пиши через *у*»), а реконструируются исследователями в опоре на наблюдения над «langage», особенно над употреблением в устной и письменной коммуникации. Это обстоятельство заставляет некоторых исследователей (например, [Вдовиченко, 2009]) усомниться в реальном статусе языка как системы (*langue*). Действительно, реальные предметы не нуждаются в реконструкции, они уже просто даны. А если все-таки предмет реконструируется, значит, у него в лучшем случае предполагается прошлое (как у «праязыка») и/или будущее (как у языка футуристов), но нет несомненного статуса системы в настоящем.

«Язык как деятельность» (*langage*) – понятие более покладистое. Исследуя его, основываются на наблюдениях над дискурсной практикой, вы-

двигая предположения о том, как реконструируемая система (*langue*) модифицируется – расширяется и/или сужается. Эта деятельность включает в себя и построение текста, и невербальные символические поступки автора и интерпретаторов. Диапазон и возможности такой поэтической языковой деятельности, или, сокращенно, «поэтажа» (*langage poétique*), варьирующегося от человека к человеку, от культуры к культуре, наводят на мысль о существовании культур поэтажа – «поэтажных культур» создания и понимания дискурса.

Цивилизация накладывает ограничения на такие культуры, даже на культуры создания и понимания стихов: «Когда мы, научившись другому языку, понимаем иноземца, говорящего на этом его родном, а для нас чужом языке, – понимаем не только значение слов, им произносимых, но вступаем с ним при помощи этой речи в настоящее общение чувств, мыслей и стремлений, мы уже тем самым ясно показываем, что действительное единство людей не исчерпывается единством народности» [Соловьев, 1988, с. 501]. Иначе говоря, межкультурная коммуникация значительно шире того «алфавита знаков», который предоставляет в наше распоряжение каждая языковая система.

Макаронические стихи представляют собой тот гибридный случай, когда отдельные (не обязательно все) элементы чужого языка используются в рамках родного поэтажа. При этом стереотипы «чужеземного», «неродного» переплетаются со стандартами чужого поэтажа и «родной» поэтичности, позволяя говорить о креативной чужеземности, в той или иной степени адаптированной (или «аккомодированной») к «родной» креативности.

К такой встрече с чужой креативностью нас подготавливают исподволь – в виде укоренившихся презумпций – стереотипы чужеземца, бытующие в рамках воспринимающей культуры. К восприятию этой семиотики чужеземности – отличительных черт иностранца в жизни данной культуры – нас ведет обыденная речь, а также художественная и деловая литература. Отсюда традиционная подозрительность по отношению к «чужому» в одних культурах и романтическое благоговение в других.

Языковые проявления реальной или напускной чужеземности в поэтическом тексте, с одной стороны, и речь об иностранцах в рамках данной культуры, с другой, определяют друг друга. Забегая вперед, можно сказать, что комизм, создаваемый макаронизмами в русской культуре, покоится на степени соответствия или (что чаще) несоответствия автора или лирического героя макаронических стихов тем (обычно высоким и позитивным) стандартам, которым по презумпции отвечает у нас чужеземец. Как говорится, «если тебе иностранец имя...»

В данном небольшом очерке, в продолжение мысли Ю. С. Степанова (см. выше), предполагается, что у каждого народа стереотипы «чужого» и «своего» не совпадают со стереотипами «чужого» и «своего» для других

народов. У каждого народа свои стереотипы «своих» и свои стереотипы «чужих». Скажем, наши стереотипы «чужих» отличаются от того, как другая культура представляет себе «чужих». Выражаясь формульно-игриво: наши «чужие» отличаются от чужих «чужих», а чужие «свои» не обязательно совпадают с нашими «своими».

Стандарты разновидности «чужого» – иностранности – филологическим методом можно гипотетически выявить, в частности, в результате анализа контекстов лексемы *иностранец* в русских литературных текстах и установления заключенных в них презумпций – невысказанных утверждений – о том, какими бывают иностранцы.

2. Русское и иностранное в русской макаронической поэзии

Термин *макаронизм* в русской художественной литературе значительно более редок, чем в научных текстах ¹. Макаронизмы предполагают не самый серьезный ключ восприятия: это вид самоиронии автора (не обязательно его героев, которые могут даже не подозревать об отклонениях своей речи от стандарта), но по поводу не столько содержания, сколько формы произведения. Ср.:

Погремушки – между ними были забавные – Вася подарил Иве, и она сказала, что они напоминают ей макаронические стихи, которые ей всегда хочется читать, когда у нее плохое настроение (В. А. Каверин. Верлюка. 1981).

Макароническая поэзия ² предполагает определенный уровень культуры понимания дискурсов, знакомство интерпретатора с каноническими, или прототипическими текстами подобного рода в его родной литературе.

К каноническим макароническим текстам на русском языке относят знаменитую поэму И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдю-

¹ Ср.: «Ускользанию от тоталитаризма языка (как вторичной, так и первичной знаковой системы) способствуют использование пастиша, так называемого “шизофренического” и “психоделического” языка, космополитизированной макаронической речи, деиерархизация иерархии в оппозиции “нормативная – ненормативная лексика”, активное словотворчество русских писателей-постмодернистов» (А. А. Грицанов, М. А. Можейко (ред.). Постмодернизм: Энциклопедия, 2001).

² *Макаронический* (в сочетаниях *макаронический стиль*, *макароническая поэзия* и т. п.) – «содержащий слова и выражения чужого языка, а также слова своего языка, исковерканные на иностранный манер (в современных текстах – обычно в целях пародии, шутки, сатиры)» [Мечковская, 1998]. Ср. следующее более нейтральное определение «macaronic verse»: «is written in a ludicrously jumbled and distorted combination of several languages. A sort of cross between dialect verse and macaronic verse is [...] foreign admixture type, which exploits the dialectical mixed usages of a foreign group, such as the German-Americans» [Stillman, 1966, p. xv].

ковой за границу, дан л'этранже» (1844), задающую планку мастерства межкультурного общения. В этом произведении повествование ведется от лица провинциальной дамы – носительницы русского языка, прибегающей к французским и (значительно реже) немецким выражениям, не всегда только из-за отсутствия во внутреннем лексиконе нужных выражений родного языка, но и потому, что таков «тренд» в ее окружении.

Тут зазвал к себе старик
И нам предложил парик,
Пар Вольтер всегда носимый,
И колпак его любимый,
Трость, перчатки и перо.
Я сказала: – О! *Се тро*,
Так уж нагло издеваться,
Уж не дали б залежаться
Англичане, *ж'ан сви сюр*,
Редкостям *де сет натюр* [...]

(Мятлев И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969. С. 363).

В стихотворениях, написанных от своего лица, Мятлев использует ту же технику замены русских выражений французскими. Особенно типично употребление французских предлогов и артиклей при существительных, ср.:

Ну, Светлана, *кес ке се?*
Не печалься, *сет асе*.
Твой испуг, мученье –
Только сновиденье.
Это просто *де бетиз!*
Пой, красавица, резвись
В честь поэта с нами:
Он дарит мечтами
Пожелаем *дю реель*
Мы ему *авек са бель*
Пожелаем многи лета
Дружного дуэта

(И. П. Мятлев. Светлана // Мятлев И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. С. 102).

В произведениях Мятлева варваризмы пишутся кириллицей, выдавая в авторе и / или лирической героине носителей русского языка. Между тем в публикациях того же времени допустимы были и латиница, и кириллица с латиницей вперемежку, например:

Ma chère Alexandrine,
Простите, же ву при,

За мой армейский чин
 Всѣ, что je vous écris;
 Меж тем, же ву засюр,
 Ich wünsche счастья вам,
 Surtout beaucoup d'amour,
 Quand vous serez *Мадам*

(Лермонтов М. Ю. <А. А. Углицкой> // Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2: Стихотворения, 1832–1841. С. 187).

Такой прием позволяет отделить места текста, в которых автор серьезен (латиница), от тех, где он иронизирует (кириллица).

По-другому звучит текст, написанный от лица человека, для которого русский язык (якобы) не является родным:

Ихь фанге ан. Я нашаюю.
Эс ист для всех советских мест,
 Для русский люд из краю в краю
 Баронский *унзер* манифест
 (Демьян Бедный. Манифест барона фон Врангеля).

Это пример проявления чужого (якобы немецкого) стереотипа о речи русского носителя языка. Шаржируя трудности русского языка для иностранца, «Манифест» дает повод почувствовать языковое превосходство над самоуверенным бароном (в этом характерологическая функция макаронизма сочетается с комической, см. [Пильщиков, 2015]) как человеком беспомощным в российских реалиях, но претендующим на власть в России. Заметим, что настоящий Петр Николаевич Врангель таким уж «чужим» для России не был: вырос в России, с детства прекрасно говорил по-русски; мать его М. Д. Дементьева-Майкова была русской, а отец – российский военный и предприниматель.

Еще один типовой пример:

Я вам,
сэр,
 назначаю *апойнтман.*
 Вы знаете,
 кажется,
 мой *апартман?*
 Тудой пройдете четыре блока,
 потом
 сюдой дадите крен.
 А если
стриткара набита,
 около
 можете взять
 подземный *трен*
 (В. Маяковский. Американские русские. 1925).

Этот текст, по содержанию абсолютно нейтральный, нашпигован иноязычными выражениями, часто (но не всегда) с русским произношением.

Однако есть и различия. В мятлевских и лермонтовских произведениях лирический герой – носитель русского языка, хорошо знающий иностранный и живущий в России; у Маяковского – носитель русского языка, освоивший на новом «ПМЖ» за границей иностранный; а у Демьяна Бедного – иностранец, плохо владеющий русским языком.

Итак, различаются как минимум два класса макаронических стихов: от лица «своего» – носителя русского языка, и от лица «чужого» – иностранца. В первом случае приличное знание чужого языка-источника не обязательно. Благодарные потомки со временем перестают замечать бывшие вкрапления, вошедшие в русский лексикон. Например:

Идем на *шопинг*, а не за покупкой.

А там в ассортименте –

контрафакт,

Который им сливает

дистрибьютор!

Промоушн проводит *мерчандайзер*,

И в холле *гастарбайтер* подметает.

Риелторы нам впарят *таунхаус*,

Хедлайнеры на *сейшн* зазывают...

И помогают *лизинг* и *франчайзинг*

Нам *парадигму бизнеса* развить

(С. Жатин. Ромео и Джульетта. Воронежские страдания. М.; СПб.: Астрель, 2007. С. 81–82³).

Это напоминает употребление ученых медицинских терминов там, где есть русские, например: *контагиозный* для *заразный*, *вазомоторный насморк* вместо *незаразный насморк, вызванный механическими причинами*. Врачи так говорят между собой. А про контрафакт и промоушн мы слышим каждый день с экранов телевизоров.

Однако есть еще одно противопоставление, когда «свой» подает себя как иностранца, а именно: владеет ли (действительный или мнимый) иностранец (автор или его герой) языком чужеземных вкраплений как родным, или по вкраплениям это узнать невозможно. Пример из «Манифеста» относится к первому случаю; пример из Маяковского – ко второму. Вот пример текста, принадлежащего заведомо мнимому иностранцу, явно не знающему еще и используемого мнимого иностранного языка:

Шляпа у меня с глянцем,

Выгляжу я знатным иностранцем,

³ Цит. по: Василий Пригодич. URL: <https://studylib.ru/doc/2433548/net-povesti-konkretnee-na-svete/>.

Приехал из города Козлова,
 Не понимаю по-русски ни слова!
Ани-бани – три конторы,
Сахер-махер-помидоры!..
 Бульон, бутерброд, консомэ!
 Мы по-русски не *понимэ!*
 (С. Я. Маршак. Петрушка-иностранец) ⁴.

Это пример речи «чужого» среди «своих». Форма *понимэ* – гибрид: русская основа плюс французский показатель причастия. В виде *не понимэ* (в значении «не понял») фраза до сих пор имеет хождение среди людей старшего поколения. Сказать однозначно, какой именно иностранный язык имитируется, в этом случае нельзя. Однако написано так, что даже читатель, не понимающий чужих языков, сразу видит, что имеет дело с имитацией иностранной речи.

Другое дело – произведение И. Бродского с имитацией немецкого текста:

Я есть антифашист и антифауст.
 Их либе жизнь и обожаю хаос.
 Их бин хотеть, геноссе официрен,
 дем цайт цум Фауст коротко шпацирен [...]
 Их либе ясность. Я. Их либе точность.
 Их бин просить не видеть здесь порочность.
 Ви намекайт, что он любил цветочниц?
 Их понимайт, что дас ист ганце срочность
 (И. Бродский. Два часа в резервуаре. 1965).

Этот отрывок, содержащий нарушения русского языка (*Ви намекайт, понимайт*), и в немецкой части «некондиционен» (*дем цайт, геноссе официрен* по-немецки неправильно), и на пересечении русского и немецкого (*Их бин хотеть, Их бин просить, что дас ист ганце срочность*). Это текст-карикатура, шарж, заведомо неточно передающий чужую прямую речь по-немецки.

Какой интерпретативный эффект в тексте современной русской поэзии вызывают иноязычные вкрапления, и почему из множества конкурентов в конкретной позиции осознанно выбирается элемент «явно не отсюда»? Этот вопрос выводит нас на просторы социологии дискурса.

Итак, автор макаронических стихов подает себя как: 1) носителя русского языка или как иностранца, который 2) знает в совершенстве или с изысками язык иностранных вкраплений. Сочетание этих двух измерений дает четыре класса травестийных макаронических текстов, представленных в истории русской словесности.

⁴ *Маршак С. Я.* Петрушка-иностранец // *Маршак С. Я.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1968. Т. 2.

3. Иноязычие в русском тексте как инокультуре в русской среде

Макаронизм – как кукиш в кармане: он освобождает коммуникацию и самого поэта от «тяжких оков» адекватности⁵, позволяя «уйти от действительности» куда подальше. Став «иностранцем» в родном краю, поэт смотрит остраненно на происходящее вокруг, ср.:

И Саньке совсем стало казаться, что он отделился от всех этих людей, смотрит как иностранец на чужую беготню, как мудрый и добрый иноземец (Б. С. Житков. Виктор Вавич, 1934).

Про речь в минуты такого «миропомешательства» говорят как о *языке макароническом и даже «утопическом», соответствовавшем нашему заумному* (М. А. Кузмин, Парнасские заросли, 1923). Ведь «утопический» – нигде не существующий в реальном мире. Ср.:

Мережковский – типичный иностранец, не по происхождению, а по природе, сделавшей его как бы помимо воли чужим России (Б. Садовской, Лебединые клики);

Так или иначе, но в Москве мне слишком часто приходилось чувствовать себя иностранцем (В. Н. Войнович. Антисоветский Советский Союз. 1992).

Каковы презумпции носителей языка относительно иноязычия в русской речи? «Социология дискурса» (в смысле [Демьянков, 2014]) выявляет подсознание культуры, выбалтывающее больше, чем говорящий хотел бы сообщить. И вот что показывает анализ употребления лексем *иностранец, иностранка* (а также архаичных *иноземец, иноземка*) и *акцент* в большом корпусе русских текстов XVIII–XXI вв.

В российской культуре вообще, не только у носителей русского языка, статус иностранца маркирован по умолчанию позитивно. Привилегированность «иностранца как класса» входит в презумпции очень многих высказываний, встречаемых в русской литературе последних веков; чего стоит ходячее и завистливое *Такой молодой, а уже иностранец!* Например:

Друзья из русских объяснили ему, что с князем шутить нельзя, хотя бы и иностранцу... (Е. А. Салиас. Ширь и мах: Исторический роман в 2-х частях. 1885).

⁵ Ср.: *мир макаронический, мир иностранно-русской диффузии* [Хазагеров, 2002].

Это *хотя бы и* выдает презумпцию «иностранцу позволительно больше, чем своему». Отстраненный взгляд диссидентской литературы советского периода продолжает эту традицию, ср.:

Он вступил в партию, куда, как иностранец, был принят в те времена с распростертыми объятиями, и начал делать карьеру, спекулируя на самоопределении наций (Б. Ширяев. Неугасимая лампада. 1954).

Иностранцу бесхитростному, но внутренне собранному, доверяют больше, чем «своему», как эксперту в научных и этических проблемах, ср.:

Извините, пожалуйста, – с преувеличенным акцентом сказал Нейл (иностранцы в этом городе вызывали больше доверия, чем свои) (А. Таманцев. Псы господни (Солдаты удачи-8). 2000) ⁶.

Аргумент, вводимый словами *во всем мире и нигде в мире* в пользу того или иного положения дел, опирается на презумпцию, что «там люди во всем разбираются лучше нас», и часто бывает решающим в споре о том, как нам усовершенствовать нашу российскую жизнь.

Вместе с тем среди привилегий иностранца – и необязательность понимать «российскую действительность», и не вполне адекватное в ней существование. Многочисленные свидетельства этого находим в литературе XXI в. и в виде утверждений, и в виде презумпций, ср.:

Редькин посмотрел на него и сказал: – Ну, ты чистый иностранец (Г. Петров. Рассказы).

Только изредка по этому поводу делают упреки, да и то, если иностранец отличается от остальных, даже прожив в России достаточно долгое время:

Ваше сиятельство, хотя вы иностранец, а русских обычаев не знать стыдно (А. Н. Толстой. Барон).

Вернувшись из-за границы домой, россиянин ожидает отпущения грехов на родной земле:

Я только что приехал и вообще вроде как иностранец (В. Н. Войнович. Москва 2042).

Вспомним из одесского фольклора: *Он был для нас почти что иностранец...* Любопытна ситуация, когда «свой» («советоид») пытается имитировать поведение иностранца, перенявшего, в свою очередь, русские обычаи (этот случай можно назвать так: «свой» как «чужой»):

⁶ Этот случай контрастирует с подозрительностью иностранца, например, в англоязычном окружении: *The town's people were suspicious of Monsieur Henderson, who is a foreigner* (E. Van Dyne. Aunt Jane's Nieces in the Red Cross. 1915).

Она легко сбежала с крыльца, и мы троекратно, как принято среди уважающих русские обычаи иностранцев, облобызались (В. Н. Войнович. Москва 2042).

Одеваться с шиком, хорошо выглядеть и владеть красивыми вещами – типовая черта иностранца:

Уж какой из себя видный, точно иностранец (А. Н. Островский. Последняя жертва. 1877);

Все они были прекрасны, как иностранцы, – красивые, нарядные, упитанные (Л. Е. Улицкая. Искренне ваш Шурик. 2004).

Типовая необычность внешнего вида заключается не только в броскости, но и в аккуратности и опрятности:

А смотреть приятно на них, на иностранцев: суденышки хотя и мельче наших, но ходят прибранные, борта у них лаком блестят – синие, оранжевые, зеленые, красные, рубка – белоснежная, шлюпки с моторчиками так аккуратно подвешены (Г.Н. Владимов, Три минуты молчания, 1982).

По этим чертам, как милого по походке, даже без слов, в момент распознают у нас иностранца. Например:

И одеждой, и точными движениями он походил на иностранца (А. Н. Толстой. Хождение по мукам. 1922–1928 – 1941).

Выдают этого «милого» – иностранца – не только жесты, но и предательски хорошие манеры – то, что со времен СССР называется «культурностью»; иное вызывает даже возмущение:

Что за бескультурье, удивляется пекарь, а еще иностранец! (М. Веллер. Американист).

Ср. в других контекстах: *А еще шляпу надел!* Возможно, именно поэтому первое впечатление от сообщения о неблагоприятном поступке вызывает в нас смешанные чувства, ср.:

СМИ: иностранец изнасиловал школьницу в отеле в Петербурге. Об этом сообщает «Рамблер»⁷.

По переносу, начиная с 1920–1930-х гг., там, где ступает нога иностранца, все должно выглядеть пристойно: благоприятное впечатление идет на экспорт; поэтому обвинением в подрыве «репутации отечества» является:

Тут иностранцы ходят, а вы беспорядок устраиваете (И. Ильф, Е. Петров. Театральная история).

⁷ https://news.rambler.ru/incidents/43673000/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Иностранцы в таком контексте – не дети, которым взрослые должны подавать хороший пример (ср.: *Тут дети ходят...*), а лазутчики, которые доложат куда надо (а еще хуже, и куда не надо) о том, какой у нас беспорядок и какие мы дурные.

Нарушение экстерриториальности иностранца вызывает у нас неподдельный «когнитивный диссонанс»:

А вчера своими глазами видела, на улице Горького простые советские люди схватили и волокли в милицию иностранца (В. Н. Войнович. Замысел).

Как узнать в задерживаемом иностранца? По одежде, по жестам и телодвижениям, по чужеземным воплям? «Нехилую» задачу для систем искусственного интеллекта – опознать иностранца по внешним признакам – в России в два счета решит даже не совсем трезвый гражданин. По невербальным признакам он легко изобличит и обезвредит родимых (иностранцев) в толпе:

На речном трамвайчике, вы были с компанией, стояли у борта, и вас фотографировал какой-то парень, мне показалось, иностранец... (Е. Вильмонт. Плевать на все с гигантской секвойи).

Такое благодушное отношение к «их брату иностранцу» не универсально, однако есть и общие черты:

Опыт поездок в разные страны, особенно в страны слаборазвитые, его давно уже научил: натура людей и целых народов универсально одинакова, – богатых, сильных и иностранцев никто по-настоящему не любит (А. Мигунов. Веранда для ливней).

Итак, иностранцы относятся к тому же классу, что богатые и сильные, и, возможно, именно поэтому их вроде бы не должны любить. А у нас любят, и не только из-за любви к трудностям.

К этому же классу относились на излете Советской власти и диссиденты:

Он решил больше не писать писем в ЦК, не распространять свои литературные опусы, не ездить в Москву, не общаться с диссидентами и иностранцами (В.Н. Войнович. Монументальная пропаганда. 2000).

Перефразируя классическое высказывание: сегодня на тебе иностранные тряпки, а завтра ты уже диссидент.

Иностранность конкретной особи градуальна:

Обычно иностранцев, к которым проявляется какой-то практический интерес, не досматривают, а тут мне было показано, что я если и иностранец, то далеко не первого сорта (В. Н. Войнович. Антисоветский Советский Союз. 1992).

Создавая более комфортные условия для ребенка или иностранца, мы сами погружаемся в иллюзорный мир и можем в нем навсегда остаться: мать охотно донашивает вещи своих любимых детей. Но такая установка вызывает протесты. Об опасности сюсюканья с детьми говорят педагоги: ребенок так и не повзрослеет. А от слепой адаптации к чужим обычаям предостерегал Л. Н. Толстой, рассуждая от противного и приводя как образец «их нравы»:

Японцы справедливо думают, что сношения с иностранцами и должествующие последовать от них заимствования вредны для народа, не умеющего отличать блестящего от полезного (Л. Н. Толстой. Дневники. 1853).

В этой цитате призыв использовать передовой зарубежный (японский) опыт (вот она презумпция чужеземной мудрости) звучит даже для преодоления этого чуждого опыта!

Отказаться от вопиющей несправедливости «облегченного режима» для иностранцев в быту пытались в 1930-е гг.:

...между искусством и прекрасным советским зрителем стали люди с лакейскими душами, люди, для которых слово «иностранец» значит больше, чем гордые слова «советский гражданин» (И. Ильф, Е. Петров. Театральная история).

Однако эта борьба, вдохновляемая идеей всеобщего равенства людей, увенчалась разгромным поражением ксенофобии, иначе не довелось бы нам слышать о «низкопоклонстве перед Западом» и в конце 1940-х гг., и в наши дни.

Аналогичное находим и на «западной» почве, в Германии и в Австрии, где *Ausländerei* «преклонением перед иностранщиной» возмущались еще в XVIII–XIX вв.⁸

Как хорошо, что другим тоже плохо! Но плохо все же по-другому: враждебность по отношению к «иностранщине» для наших западноевропейских соседей – обычная установка; она контрастирует с дежурной российской готовностью учиться и еще раз учиться хорошему даже у «плохих» соседей. Подсознание наших соседей не хочет своим добром делиться с чужаками (в детсадовских терминах: «самим мало»), а в российском подсознании сидит мысль, что у нас все настолько плохо или так много хорошего, что этим не жалко и поделиться.

⁸ Например: *die Ausländerei unserer sogenannten gebildeten Stände, nach deren Geschmack sich auch die Dichter richten mussten* (Karl Simrock. Die Edda: Die ältere und jüngere nebst den mythischen Erzählungen der Skalda); *Daher die berühmte deutsche Ausländerei, die im achtzehnten Jahrhundert ratlos bald nach England, bald nach Spanien und Frankreich und am liebsten nach dem französischen Altertum griff, das ihr lächerlicher Weise als echt klassisch aufgeschwätzt und vorgeschossen wurde* (J. von Eichendorff. Geschichte der poetischen Literatur Deutschlands).

Итак, по презумпциям, реконструируемым из русских текстов, выявляются параметры «иностранности», которыми в различной степени обладают конкретные особи. Отбросив заведомо противоречивые показания текстов, приходим к положению о том, что «типовому чужому» позволительно больше, чем «своему», что проявляется как:

- экстерриториальность, физическая неприкосновенность;
- необязательность понимать «российскую действительность» и не вполне адекватное в ней существование;
- хороший внешний вид, респектабельность и обладание красивыми предметами, а также жестами и хорошими манерами, что позволяет отнести иностранца к классу богатых и сильных;
- беспристрастность и высокий уровень компетентности в области общечеловеческих ценностей;
- потенциальная враждебность, опасная информированность о слабостях нашего уклада жизни и социальной системы.

Из этого списка вряд ли можно сделать однозначный вывод, что в русской культуре «чужие» красивее и умнее своих.

Разумеется, реалии сегодняшнего дня, а также политические столкновения приводят к значительным колебаниям этой в общем-то прозрачной системы. Так, вряд ли мы готовы воспринимать своих бывших соотечественников по СССР в качестве чужих, хоть и «иностранцев», обладающих всеми указанными выше привилегиями. Для нас они по-прежнему не чужие, а родные, хотя больше и не свои.

4. Речь иностранца и межэтническое вербальное общение

Наиболее безотказно на «ненашего» человека указывает небезукоризненное владение русским языком. Поэтому безакцентной речи явного (по иным признакам) иностранца искренне удивляются, воспринимая ее как самопожертвование декабристки, готовность надеть лапти и «добровольно отказаться» от привилегии плохо говорить и понимать по-русски:

Да, кстати, откуда ты так хорошо на русском лопочешь, хотя сам иностранец? (Ю. Кондратьев. Городской мираж).

Больше соответствует ожиданиям неправильная речь по-русски:

Иностранцы говорят «битте-дритте», а он точно по-нашему говорит (В. Н. Войнович. Москва 2042).

Ср., от противного:

Чонкин был не иностранец, он понял, что Голубев говорит в переносном смысле (В. Н. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина: Роман-анекдот).

«Не-иностранец» же, по презумпции, должен глубоко владеть русским языком, если только «не выпендривается», не валяет дурака.

Гостеприимный хозяин обязан сделать все возможное, чтобы иностранец «въехал» в тонкости нашей души и языка, порой и через желудок:

Когда иностранцы в Россию приезжают, им первым делом дают борщ и бефстроганов (Е. Вильмонт. Полоса везения, или Все мужики козлы).

А самое трудное и ответственное – чтобы понял человек, не в совершенстве знающий язык; это не менее патриотичная и гуманная задача, чем накормить неискушенного новичка хозяйкиным борщом.

Межэтническое вербальное общение отличают от общения «между своими» следующие свойства [Dittmar, Stutterheim, 1985, p. 131]: 1) из-за ограниченности лексического, грамматического, семантического, речеактового запасов в неродном языке собственно сообщение редуцируется или, наоборот, эксплицируется; 2) поправки в речи используются более широко, чем в общении между «своими»; 3) более значимы и частотны сигналы обратной связи и вопросы. При аккомодации речи к возможностям иноязычного собеседника, носитель языка сводит свой вербальный репертуар иногда к минимуму, переходя порой на другой язык, более комфортный; возрастает роль невербальных сигналов – взгляда, позы, жестов. А вопросы, завоевание и удержание инициативы в диалоге, связанность, скорость и интонация речи функционируют не так же, как за пределами межэтнического общения, см. [Ibid.].

Иначе говоря, общаясь с иностранцем, как и с ребенком, взрослый носитель языка адаптирует свою речь, жертвуя фонетикой, синтаксической правильностью и/или прагматической приемлемостью: используется особый регистр речи – *foreigner register* [McClure, Fritz 1982, p. 334], из которого иногда развиваются пиджины [Siegel, 1987, p. 21]. Этот регистр проявлен на микроуровне (короткие и по возможности простые формулировки, устранение избыточных или контекстно восполнимых категорий, употребление коротких и простых слов), на макроуровне (избегание сюжетов, вряд ли знакомых малолетнему или иностранному собеседнику) и на мезоуровне (на котором, например, повторы более допустимы, чем в обычном стиле) [Jakovidou, 1994, S. 311]. Если в данном языке обязательна копула, ее в разговоре с детьми и иностранцами (*baby and foreigner talk*) опускают даже зрелые носители языка [Ferguson, 1971, p. 146].

Вспомним: в «Манифесте» травестированный Врангель невольно, вопреки авторскому замыслу, обращается к русской аудитории не как к иностранцам, а как к своим: он не опускает немецкую копулу. И по этому признаку русские сразу видят иностранность такой речи. А в примере из Бродского копула *бин* стоит даже там, где в немецком не нужна, что также выдает травестийность – «не-немецкость» говорящего.

Восприятие речи на чужом или не вполне освоенном языке – «большой напряг». Поэтому в шадающем режиме собеседнику мы предоставляем больше опорных пунктов для понимания и терпимо относимся к его «медленному пониманию» [Matter, 1989, p. 118], ср.:

«И, поступая так, я уверен, что вы нашли бы большую радость», – говорил Нехлюдов, стараясь произносить как можно внятнее, так, как говорят с иностранцами или детьми (Л. Н. Толстой. Воскресение).

А желчный юморист нашептывает в это время противоположный – «вредный совет»:

Разговоры по телефону ведите на крике, с побагровевшим лицом, можно с матом, чтобы иностранец хоть что-нибудь понимал (С. Альтов. Собачьи радости: Избранное).

Заключение

1. В современной русской макаронической поэзии, вдохновляемой заимствованиями из английского языка – языка глобализации, технический инструментальный значительнее беднее, чем во французских и немецких макаронизмах XIX–XX вв. Современная обыденная речь очень повеселила бы русского читателя XIX–XX вв. макароничностью, которую мы даже не замечаем. Но научные тексты, изобилующие чужеземными терминами, неспециалистов радуют далеко не всегда.

2. Юмористический эффект русской макаронической поэзии своеобразен и является результатом взаимодействия нескольких факторов, среди которых развенчание травестированного героя как лжеиностранца, не достигающего до «высоких стандартов» иностранности в российской культуре.

Список литературы

Вдовиченко А. В. Расставание с «языком»: критическая ретроспектива лингвистического знания. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2009. 510 с.

Демьянков В. З. О контрастивной социологии дискурса // Дискурс как социальная деятельность: Приоритеты и перспективы: Материалы Второй международной научной конференции, Москва, 16–17 октября 2014 года. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. Ч. 1. С. 14–15.

Мечковская Н. Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М.: ФАИР, 1998. 352 с.

Пильщикова И. А. Иноязычная фоника в стихах Лермонтова // Мир Лермонтова. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 392–405.

Соловьев В. С. Оправдание добра: Нравственная философия. Перепечат. по 2-му изд. // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 47–580.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

Хаззагеров Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1. С. 133–145.

Dittmar N., Stutterheim Ch. Von. On the discourse of immigrant workers: Interethnic communication and communication strategies // Handbook of Discourse Analysis / Ed. by Dijk T. A. van. London etc.: Academic Press, 1985. Vol. 4: Discourse Analysis in Society. P. 125–152.

Ferguson Ch. A. A sample research strategy in language universals // Working Papers in Language Universals. Stanford, CA: Stanford University, 1971. Vol. 6. P. 1–22.

Jakovidou A. Dimensionen der Verständlichkeit im “Foreigner-Talk” // Linguistische Berichte: Forschung, Information, Diskussion: The actual and progressive journal for all fields of the linguistics. Braunschweig: Vieweg, 1994, Bd. 152. S. 301–313.

Matter J. Some fundamental problems in understanding French as a foreign language // Interlingual Processes / Ed. by H. W. Dechert, M. Raupach. Tübingen: Narr, 1989. P. 105–119.

McClure E. F., Fritz M. Children’s communicative tactics across language boundaries // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago: Chicago University Press, 1982. Vol. 18. P. 324–335.

Siegel J. Language Contact in a Plantation Environment: A Sociolinguistic History of Fiji. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1987. 324 p.

Stillman F. The Poet’s Manual and Rhyming Dictionary. London: Thames and Hudson, 1966. xviii, 363 p.

Article metadata

Title: Alien Creativity of Russian Macaronic Poetry *

Author: V. Z. Demyankov

Author’s e-mail: vdemiank@mail.ru

Author’s affiliation: Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russian Federation)

* The research is funded by grants № 19-18-00040 (parts 1 and 2) and № 19-18-00429 (parts 3 and 4) of the Russian Science Foundation and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Abstract. Traditionally, the status of foreigners in Russia, especially of West-Europeans, is fairly high. My linguistic analysis of Russian literary sources of the 18th to the 21st centuries aims at eliciting presumptions (i. e. indirectly expressed opinions) and/or stereotypes of foreigners disclosed in occurrences of Russian lexical items such as ‘inostranets’ (“foreigner”). This procedure yields a list of typical culturally relevant “parameters of aliens” in Russian culture. Stereotypes of alien behaviour and alien appearance, for short, stereotypes of “Russian aliens” are specific for Russian culture and include a privileged social status and extraterritoriality. Foreigners are typically expected to be both intellectually superior in issues of civilization and utterly ignorant of virtually all Russian peculiarities of everyday life and of Russian customs.

Russian macaronic verses combining Russian with West-European expressions used to be popular in Russia, but they are much less frequent nowadays, i. a. because of certain shifts which the concept of “alien” underwent in the last decades of Russian history. The humor of Russian macaronic poetry is based on a sort of travesty, when a person held to be a foreigner because of admixture of foreign expressions (and therefore automatically occupying a privileged position) proves to be a pretender. “Alien creativity” of Russian macaronic verses may be looked at as a by-product of cultural adaptation of Russian culture to Western civilization.

Key terms: language as system (saussurean “langue”) vs language as linguistic activity (saussurean “langage”), poetic “langage”, macaronic verse, creativity.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-73-91

Reference literature (in transliteration):

Demyankov V. Z. O kontrastivnoy sotsiologii diskursa [On contrastive sociology of discourse]. In: *Diskurs kak sotsial'naya deyatel'nost': Prioritety i perspektivy* [Discourse as Social Activity: Priorities and Perspectives]. Moscow, MSLU Press, 2014, p. 14–15. (in Russ.)

Dittmar N., Stutterheim Ch. Von. On the discourse of immigrant workers: Interethnic communication and communication strategies. In: Dijk T. A. van. (ed.). *Handbook of Discourse Analysis*. London etc., Academic Press, 1985, vol. 4. *Discourse Analysis in Society*, p. 125–152.

Ferguson Ch. A. A sample research strategy in language universals. In: *Working Papers in Language Universals*. Stanford, CA, Stanford University Press, 1971, vol. 6, p. 1–22.

Jakovidou A. Dimensionen der Verständlichkeit im “Foreigner-Talk”. In: *Linguistische Berichte: Forschung, Information, Diskussion: The actual and progressive journal for all fields of the linguistics*. Braunschweig, Vieweg, 1994, Bd. 152, S. 301–313.

Khazagerov G. Personosfera russkoy kul'tury [Personal sphere of Russian Culture]. *Novyy Mir* [New World], 2002, no. 1, p. 133–145. (in Russ.)

Matter J. Some fundamental problems in understanding French as a foreign language. In: Dechert H. W., Raupach M. (eds.). *Interlingual Processes*. Tübingen, Narr, 1989, p. 105–119.

McClure E. F., Fritz M. Children's communicative tactics across language boundaries. In: *Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society*. Chicago: Chicago University Press, 1982, vol. 18, p. 324–335.

Mechkovskaya N. B. *Yazyk i religiya. Lektsii po filologii i istorii religiy* [Language and Religion: Lectures on Philology and on History of Religions]. Moscow, FAIR, 1998, 352 p. (in Russ.)

Pilshchikov I. A. *Inoyazychnaya fonika v stikhakh Lermontova* [Foreign Phonics in Lermontov's poetry]. In: *Mir Lermontova* [Lermontov's Universe]. St. Peterburg, Skriptorium, 2015, p. 392–405. (in Russ.)

Siegel J. *Language Contact in a Plantation Environment: A Sociolinguistic History of Fiji*. Cambridge etc., Cambridge University Press, 1987, 324 p.

Soloviev V. S. *Opravdanie dobra: Nравstvennaya filosofiya* [Justifying the Good]. In: *Soloviev V. S. Sochineniya* [Works]. In 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1988, vol. 1, p. 47–580. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: A Dictionary of Russian Culture]. 2nd ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2001, 990 p. (in Russ.)

Stillman F. *The Poet's Manual and Rhyming Dictionary*. London, Thames and Hudson, 1966, xviii, 363 p.

Vdovichenko A. V. *Rasstavanie s "yazykom": Kriticheskaya retrospektiva lingvisticheskogo znaniya* [A Farewell to Language: A Critical retrospective of linguistic knowledge]. Moscow, 2009, 510 p. (in Russ.)